

МНОЖИТЬ СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ МЕТАЛЛУРГОВ

УЧИТЬ И УЧИТЬСЯ

До приезда на Магнитогорский комбинат работал я на Украине шахтером, года три добывал уголь. Тяжелый был труд шахтеров, техники никакой не было, вся надежда — на обушок, да на свои руки. А тут как раз стали вводить отбойные молотки. Что греха таить, нашлись в нашей шахте старички шахтеры, которые ни в какую не хотели ими пользоваться, не могли расстаться с этим обушком. А мы, молодежь, известное дело, с интересом приглядывались к новой технике, пробовали ее применять. Сразу стали перевыполнять нормы. Мне тогда один старичок шахтер и говорит:

— Ты смотри, востромордый, поперед батьки в пекло не прыгай. Не хочешь работать по-старому — духу от тебя в шахте не останется.

Мы, конечно, мало обращали внимания на подобные замечания, организовали свою молодежную бригаду и быстро утерли нос любителям старинки.

Вскоре приехал я на Магнитогорский комбинат. Первое, что мне бросилось в глаза — это новейшая техника, кругом только и разговоры, как бы автоматизировать то, другое. Это мне нравилось. А если человек с охотой берется за дело, то на трудности мало обращает внимания. Работал я тогда учеником машиниста мостового крана на складе заготовок, потом помощником машиниста клещевых кранов, а меня все тянуло к будке оператора, где «руководили» обжатием металла. Смену отработал — и туда, присматриваюсь, учусь, целыми часами там пропадал. Потом стал работать оператором главного поста.

Постоянный интерес к производству, желание учиться заставляли меня работать лучше и лучше.

На снимке: А. И. Тищенко.

ше, думать над путями увеличения темпов прокатки. По 8 часов затрачивали мы когда-то на перевалку валков. Потом усовершенствовали конструкцию перевалочных приспособлений и сократили в результате перевалку до 3 часов. Во многом изменился и сам второй блюминг за это время. Раньше было всего две группы нагревательных колодцев, и то казалось — много. А сейчас их — одиннадцать. А вместе с блюмингом росли и люди.

Вместе со мной работает вторым оператором П. Неделко. Он неплохо справляется с делом. Одним из лучших операторов обжимного цеха является и т. Диденко, много появилось в цехе молодежи, умной, деловой.

К чему это я говорю? Говорю к тому, что молодежи нужно нам, пожилым рабочим, учить и учиться. Но не нужно забывать нам и учиться у молодежи, перенимать все лучшее в ее работе, чтобы не остаться с обушком.

А. ТИЩЕНКО, старший оператор обжимного цеха.

ЭТО МОЙ ДОЛГ

На снимке: Н. У. Пауков.

Когда по Советской стране впервые разнеслась весть о строительстве нового промышленного гиганта — Магнитогорского комбината, — я работал старшим вальцовщиком на заводе в г. Ворошиловске. И как будто далеко была от нашего города новая стройка, а прислушаешься внимательно: одни говорят о Магнитке, другие... Смотришь — собрался человек, поехал обживать новое место.

Дальше — больше. Бывало принесут газету, а ты в первую очередь ищешь заметки о Магнитке: что-то там делается? Но все же чувствовалось, что строится не обычный завод, завод большого будущего, там есть, где поработать, учить людей.

И вот у меня в мармане командировка Наркомата. Поезд катит среди полей и пригорков, а я не

много волнуюсь. Да и на самом деле, есть отчего волноваться. Я ведь не знал, с какими людьми встречу, с кем придется работать, сумею ли освоить новое оборудование.

Трудное тогда было для нас время. Но мы не считались тогда со временем. Отработали смену — и на учебу. Учились все — и мастера, и вальцовщики. А приходишь из школы мастеров домой, и ночами просиживаешь за книгами. Да не я один. Вместе со мной работал тогда Борис Федорович Кулешенский. Работал, учился и от вальцовщика вырос до мастера. Сейчас он ушел на пенсию по новому Закону.

Шли годы, рос завод, росли люди. Много хорошей, способной молодежи пришло и на наш стан. Выпускники ремесленного училища П. Металличенко, А. Стружвин хорошо освоили производство и теперь работают мастерами. Вальцовщики тт. Новокрещенов, Глытнев могут с успехом заменять старших вальцовщиков. Конечно, с каждым из них приходилось много «повозиться», прежде чем поставить на самостоятельную работу. Но такова наша обязанность, долг старых кадровых рабочих.

И вот сейчас я — пенсионер, могу уйти на отдых, но чувствую, что есть у меня еще сила, позволяет здоровье, и решил еще поработать, поделиться с молодежью своим опытом.

Н. ПАУКОВ, старший мастер стана «500» сортопрокатного цеха.

Раньше здесь была вода и в нее сливали шлак. Вода бурлила при этом и исходила паром. Мы веселой гурьбой прибегали сюда, чтобы посмотреть, как огненно-красные языки стремительно врываются в спокойную реку.

Шлак выливали из огромных чаш, похожих на разрезанный пополам глобус. Их привозил за собой большой, словно начиненный ваксой, паровоз. Мы усаживались поближе к будке машиниста, прямо на горячие сероватые комья шлака и старались вызвать машиниста на разговор.

Не все, конечно, попадались на нашу удочку, но были и разговорчивые. Особенно нам нравились один коренастый веселый машинист. Увидев нас, он всякий раз высовывался из будки и, махая нам рукой, громко кричал:

— Здорово, механики! Не соскучились? — Он даже разрешал нам притрагиваться к железному телу паровоза. Позже я узнал, что его фамилия была Авдеенко, и прочитал его книгу о нашем заводе — городе.

Это было давно. А теперь на том месте улица, самая настоящая, с асфальтированной проезжей частью и мощеными тротуарами и с цепочкой ярких фонарей. А на том месте, где останавливались паровоз веселого машиниста, построена проходная. И металлургия уже не живет здесь, а на правом берегу, в новом благоустроенном городе.

... Я остался верен своей мечте и работаю машинистом на мартене. Сегодня мне работать в ночь. В одиннадцать часов вечера я показываю пропуск вахтеру и поднимаюсь на пешеходный мостик. Четыре лестничных пролета по двадцать ступенек каждый я преодолеваю быстро, одним махом, совсем как когда-то в школе. На верхней площадке я останавливаюсь и перевожу дух.

А вот и завод. Справа со звездие разноцветных огней станции «Западная», налево ЦЭС. Его огромное здание напоминает корпус корабля перед отправкой в рейс.

В некрепких сумерках я замечаю силуэт еще одной трубы. Еще вчера ее не было. Растет завод.

А вот трубы мартеновского цеха № 1-а, еще красноватые от свежей кладки, левее, похожие на поднятые вверх кулаки, домны. Под ними дымит завод. Ночью он мне нравится больше, словно горит весь.

Вместе с заводом

**
(Очерк)
**

Словно из огня сделанный, выкованный из него.

У домен меня догоняет Костя. Это знатный сталевар и мой друг. Он еще совсем молод, но молодость не помеха. Мы здороваемся.

— Чего ты уставился на правый берег? — спрашивает Костя.

— А помнишь, Костя, — тихо говорю я. Конечно, он догадывается о чем я его спрашиваю. И, конечно, Костя не забыл наше общение на пятом участке, колченогий титан, из которого мы брали воду для нехитрой хозяйской постирушки, и крохотную печурку на кухне, где мы старались враз сварить два десятка котелков с супом.

Не забыл, как мы гордились единственным тогда в городе кинотеатром, похожим на большой склад. А теперь я поворачиваю Костю лицом к правому берегу и говорю:

— Смотри!

— Не дури, Павка. Уж не влюбился ли ты в кого? — смеется Костя.

— Да, — отвечаю, — влюбился. Знакомьтесь, вот она, — и я тяну руку вперед. — Магнитка!

Светится Правобережный город. Золотым поясом тянется к нему дамба. Огни, огни и огни. Одни из них тянутся вдаль цепочкой, другие пересекались — там проспекты. А вот, где завихрились, точно метелица, там площадь с кинотеатром имени А. М. Горького. А левее они бегают, поднимаются и снова падают на землю, — там стройка. Она не прекращается ни днем ни ночью. Магнитка строится ударными темпами.

— А помнишь, Костя, — говорю я, — где мы помогали садить картошку старому мастеру, теперь там еще один кинотеатр «Комсомолец». Костя громко смеется.

— Идем, чудак. — А потом добавляет спокойно, — Так и должно быть.

У душевой мы расходимся и встречаемся уже на рабочей площадке. Печей в цехе двенадцать, каждая ростом в несколько этажей. Они похожи на великанов, пытающихся сдуть людей длинными языками пламени с площадки.

Раньше я боялся огня и думал, что никогда не привыкну к мартенам. А теперь я не знаю, кем бы я мог стать еще кроме сталеплавильщика. А

огонь это ничего, его можно регулировать, точно в обыкновенной керосинке, поворотом маленького колесика, так же, как и поднимать 300-тонные ковши движением одного пальца. Техника!

Длинный косяк пламени, вырвавшись из окна, стелется по железным плитам. Плавка плавится. По норме ее плавить нужно три часа, а Костя Неклеенов и его печная бригада справляются за два. Теперь плавку нужно довести. В этом помогает Косте Василий Иванович Любичский, один из старейших мастеров цеха. Он настоящий мастер своего дела. Это можно доказать хотя бы тем, что он один в цехе может определить по сливу пробы в стаканчик процент содержания углерода в железе. А развѣ плохой мастер угадал бы в скромном угловатом паренке, каким раньше был Костя Неклеенов, хорошего сталевара.

— Раскисляй, — командует мне Василий Иванович. Я плавню кантую, и ферромарганец погружается в металл. А еще через пять минут марево, вставшее над разливающимся пролетом, возвестило о том, что плавка пошла. Шесть часов тридцать минут просидела она в печи. Что ж, это совсем неплохо, если учесть, что по графику ей положено было сидеть в печи 8 часов.

И все же Костя не доволен: — Можно было и раньше выдать, не прокапайся мы с легкой лишний полчася. Разливщики виноваты, ковш во время не убрали, — летку заморозили.

А вечером я стучусь в двери костиной квартиры. Из ящика для писем торчит край конверта. Обратный адрес написан не по-русски — Новая Гута.

— Ого! У Кости просят совета! Молодец друг! И я знаю, что Костя не зазнается, ответит.

Недавно мы обсуждали его методы работы, а еще до этого Костя сам ходил по печам и делился опытом.

И еще. Мы ходим с Костей в литобъединение и пишем стихи. Я бы мог привести их здесь, но не буду потому, что дал Косте слово не делать этого. Он не любит хвастаться. Да и времени нет. Нужно производить завалку, сделать ее быстро, помочь сталевару и подручным сварить и эту плавку скоростной.

Ф. МОЖАЙКО, машинист завалочной машины третьего мартеновского цеха.

Внесем новый трудовой вклад

Шел февраль 1932 года, началась жизнь первой мартеновской печи. К этому времени я уже успел осмотреться в Магнитогорске, работал на монтаже механизмов. Для меня, катала Енакиевского завода, многое было здесь ново, поражаало своей внушительностью. Однако кран я освоил при монтаже и мне поручили разливку плавки № 1.

7 февраля приступили к разливке. Не без робости я принялся

за дело. Кран взял стальными крюками ковш и плавно понес над изложницами. Засуетились разливщики, принялись разливать. Не помню, сколько времени длилась разливка, но значительно дольше, чем теперь.

Да и способы разливки изменились. Стали разливать металл через два стопора, затем через промежуточный ковш с четырьмя стопорками, всюду вводится ме-

ханнизация. А на промежуточном ковше механизировано открывание стопорков и с этим делом справляется один человек, вместо четырех.

Участок разливки — только часть цеха. Еще в большей мере внедрена механизация и автоматизация в работе мартеновских печей. Мы осваиваем новую технику и стараемся трудиться еще лучше. И все, что знаем, передаем другим. У каждого из старших работников цеха имеется немало учеников. И у меня проходили практику тт. Павлов, Косенко, Корнеев, Нефедов. Все они работают машинистами на разливке стали в первом цехе.

Сын мой Виктор тоже избрал себе эту профессию. Он работает на заливочном кране, на посту у начала плавки, а я на последнем этапе потока раскаленного металла.

Двадцатипятилетие комбината мы встречаем на трудовой вахте, внося свой вклад в общее дело металлургов — борьбу за увеличение выдачи стали.

П. НОВОСЕЛОВ, машинист разливочного крана.

На снимке (слева направо): машинист разливочного крана мартеновского цеха П. И. Новоселов, дежурный по депо ЖДТ М. А. Майсюков, мастер доменного цеха Н. И. Савичев. Фото Е. Карпова.